

Про фантомов и людей

Русский курьер - 2004 - 23 июня - С. 10
Живопись и скульптура Бориса Заборова в Третьяковской галерее

Дмитрий СМОЛЕВ

К манере нашего бывшего соотечественника мы успели попривыкнуть уже в 90-е. Тогда его работы нередко воспроизводились в журналах, а лет десять назад проходила ретроспектива Заборова в Пушкинском музее и в петербургском Манеже. Потом он опять надолго выпал из российского контекста, но никаким радикальным изменениям свое творчество с тех пор не подверг, так что вряд ли можно говорить о знакомстве заново. Те же призрачные фигуры в центре холста, напоминающие о заре фотографии, те же руинированные

книги из бронзы. Добавилась, правда, серия «Документ», где в качестве изобразительного материала использованы не только старинные фотки, но и рукописи архивного толка. Еще появились работы, по композиции сходные с житийными иконами — некий сюжет посередке, «клейма» по периметру. Однако везде сохранено общее ощущение вымороченности, какой-то культурной усталости — не персонально заборовской, а всевропейской, что ли.

Ответственность за континентальную ностальгию Борис Заборов попробовал принять на себя в достаточно зрелом возрасте, покинув СССР

в начале 80-х. На родине он был успешным книжным иллюстратором, в Париже оказался никем — это будоражило кровь и освобождало от рутинных привычек. «С собой я взял только инструмент — мой опыт и навык. Я приехал во Францию без единой художественной идеи». Стоило ожидать от него авангардных экспериментов, но вместо этого художник стал генерировать пасмурную меланхолию. Герои дагеротипов, стеклянных негативов, платиновых отпечатков не оживали на его холстах, а будто умирали заново на глазах у зрителя. Заборов всегда оставался достаточно умелым художником,

чтобы в лоб, без собственной интонации, переводить фотографию на полотно. Где-то имитировались трещины, заломы, потертости, а где-то использовались намеренно живописные приемы. Цвет то вводился, то убирался максимально; черты героев или форсировались до гротеска, или истаявали в мареве. Все эти красоты отдавали и отдают салонностью и почти болезненным жеманством, но очень многим именно этого не хватало. Заборов довольно скоро стал знаменит.

Нынешняя выставка представляет уже полноправного мэтра, который меняется только для того, чтобы самому

не заскучать. Масштаб этой фигуры, конечно, не позволяет говорить о влиянии на мировое искусство, но о некоторой самодостаточности — вполне. Застылость приемов напоминает филигранные па, отработанные до автоматизма: они не всколыхнут душу, однако заставят восхититься техникой исполнения. Фраза художника о его устремленности «иметь меньше персонажей, но больше Человека» кажется напыщенной как раз потому, что гуманизм этот слишком декларативный, почти абстрактный. Между тем у Заборова немало подражателей, в том числе и в России. И среди них он уж точно лучший.

Композиция со шрифтом. 1996